

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ОСОЗНАНИИ ПОНЯТИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ПРИГОВОРУ БОЯРСКОЙ ДУМЫ
В ОТНОШЕНИИ ВОЕВОДЫ М. Б. ШЕЙНА
ПО ИТОГАМ СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЫ 1632–1634 гг.**

В статье дается юридическая оценка приговора Боярской думы 1634 г. в отношении главнокомандующего Московской армией боярина М. Б. Шеина и других лиц, обвиненных в измене после поражения русской армии в битве за освобождение г. Смоленска (1632–1634). Анализ приговора выявляет правоприменительные проблемы в области понимания акта преступного посягательства в середине XVII столетия. Приводится юридическая квалификация действий субъектов ответственности. Раскрывается роль царя и членов его семьи в уголовном процессе судебного разбирательства, подчеркивается их преобладающая роль по отношению к суждениям Боярской думы при назначении наказания. Анализируются особенности розыскного (инквизиционного) процесса, направленного на выявление в деянии признаков посягательства на устои царского самовластия. Доказывается, что в качестве основания юридической ответственности осужденных по приговору Боярской думы наблюдается не нарушение правового предписания, а отступление от установленных царем правил поведения. Обосновывается, что в указанном понимании преступления признаки формальной определенности и противоправности не осознаются.

Ключевые слова: Смоленская война 1632–1634 гг.; приговор Боярской думы; преступление; наказание; правоприменительные проблемы; освобождение Смоленска; М. Б. Шеин; царь Михаил Федорович.

I. A. Artemenko

Khakass State University named after N. F. Katanov

**LAW-ENFORCEMENT PROBLEMS IN PERCEIVING THE CONCEPT
OF CRIME UNDER THE COUNCIL OF BOYARS' SENTENCE AGAINST
MILITARY GOVERNOR SHEIN M.B. FOLLOWING
THE RESULTS OF SMOLENSK WAR OF 1632–1634**

The article deals with the legal evaluation of the Council of Boyars' sentence of 1634 against Commander-in Chief of the Moscow army a boyar M. B. Shein and other persons accused of treason after defeat of the Russian army in the battle of Smolensk (1632–1634). Analysis of the sentence reveals law-enforcement problems in the field of comprehending an act of criminal trespass in the mid-XVII-th century. A legal treatment of actions of liability subjects is exemplified, while disclosing the role of the tsar and member of his family in the criminal process of litigation, underlining their prevailing role in regard of judgments of the Council of Boyars in imposing the punishment. Analysis is given for peculiarities of investigative (inquisitorial)s aimed at detecting in the trespass the features of trenching upon the pillars of the tsarist autocracy. It is proved that the basis of legal liability of those convicted under sentence of the Council of Boyars is seen not in violation of prescription of law but in departure from the rules of conduct established by the tsar. It is substantiated that in this comprehension of crime the attributes of formal certainty and illegality are not conscious of.

Keywords: Smolensk war of 1632–1634; Council of Boyars' sentence; crime; punishment; law-enforcement problems; liberation of Smolensk; M. B. Shein; Tzar Michail Fedorovich.

После окончания Смутного времени Смоленская война (1632–1634) становится ярким внешнеполитическим событием, приковывавшим к себе пристальное внимание историков.

Первая польская война закончилась в 1618 г. вынужденным подписанием Деулинского перемирия. Оставшись без средств вести дальше войну, царь Михаил Федорович за освобождение отца (патриарха Филарета Никитича) уступил полякам часть русских земель. Взаимоотношения соседних государств накалялись из-за притязаний сына польского короля Владислава на московский престол и отрицании власти царя на отданных землях. По просьбе турецкого султана о поддержке его в войне против поляков Михаил Федорович решил вернуть свои земли. Московские полки перешли границу и в середине осени 1632 г. овладели рядом польских городов, но главной целью являлся г. Смоленск. Его освобождение государь доверил боярину Михаилу Борисович Шеину, защищавшему город во время осады поляками до перемирия (1609–1611).

Осада Смоленска длилась 8 месяцев. За это время Владислав IV, ставший королем, собрал 23-тысячное войско и вторгся в московские владения. Дезертирство сократило численность армии московского воеводы. Поляки, войдя в тыл М. Б. Шеина, взяли его войско в блокаду, оставив без продовольствия в зимнее время. В этих условиях М. Б. Шеин, державший осаду до середины января 1634 г., стал думать о перемирии. В середине февраля 1634 г. воевода самостоятельно заключил мирное соглашение с поляками, чтобы спасти остаток армии. Царь и его окружение не одобрили эти действия, признав его главным виновником неудачного исхода войны. М. Б. Шеин и окольный А. В. Измайлов были обвинены в измене и казнены по приговору Боярской думы [3, с. 164–182].

Историческая наука казнь полководца М. Б. Шеина считает карой царского самовластия за вмененную ему вину в военном провале. Дошедший до наших дней текст приговора [1, с. 382–389] представляет собой документ, написанный на старорусском (старославянском) языке. В данной статье используется его перевод на современный русский язык, сделанный по нашей просьбе доцентом кафедры русского языка и методики преподавания Хакасского государственного университета им Н. Ф. Катанова кандидатом филологических наук И. Б. Тазминой. Автор вводит в научный оборот перевод текста приговора и дает его юридическую оценку.

В исследованиях разных лет, посвященных Смоленской войне, на основании приговора суждения историков сводятся к отрицанию предательства полководца, хотя и они не однозначны. Например, С. М. Соловьев отмечает: «измены со стороны Шеина не видно никакой» [3]. Обосновывая свое мнение о субъективных причинах казни воеводы выдержкой из обвинения «Шеин своею выходкою у руки государевой смертельно оскорбил многих сильных людей; тут как наивно говорит приговор, ему промолчали, потому что имели в нем нужду, да вероятно, и Филарет не выдал бы своего страдальца людям, которые за печью сидели; но теперь неудача Шеина затмила его прежние заслуги» [Там же, с. 185], историк связывает его наказание с оскорблением бояр. Вполне очевидно, что «неудачей» автор цитаты называет поражение М. Б. Шеина под Смоленском (1634).

Д. Н. Меньшиков, разбирая причины поражения русской армии в битве с поляками, детально анализирует приговор в отношении М. Б. Шеина. Оценивая обвинение, касающееся, по его мнению, большей частью вопросов ведения войны, ученый утверждает «обвинение непосредственно в измене никак не конкретизировано и упомянуто словно мимоходом» [2]. В то же время он считает М. Б. Шеина главным ответственным лицом по итогам Смоленского похода [Там же].

Однако и до настоящего времени приговор остается без надлежащей юридической оценки.

Приговор условно можно разбить на следующие части:

1. Решение о назначении наказания, образующее резолютивную часть приговора.
2. Краткое обвинение Михаила Шеина и Артемия Измайлова с сыном Василием в измене царю, присяге королю и самовольной передаче оружейных запасов.
3. Обвинение князей Семена Прозоровского и Михайло Белосельского в письменной присяге королю и мотивы принятия решения об их наказании.
4. Обвинение Ивана Шеина за действия отца.
5. Обвинение «Семена Артемьева сына Измайлова» в измене.
6. Обвинение Гаврилы Бакина и Любима Ананьина в непристойном поведении.
7. Основания для освобождения от ответственности дьяков Александра Дурова и Дмитрия Карпова.
8. Оглашение приговора Михаилу Шеину и Артемию Измайлову с сыном Василием перед казнью.
9. Обвинительное заключение Михаила Шеина.
10. Процесс исполнения приговора.

Так, п. 1 приговора приводит формулировку: «указал Государь, а бояре приговорили». Как известно, Боярская дума наделялась судебными полномочиями, однако в Судебниках 1497 и 1550 гг., действовавших на момент провозглашения приговора, прямо об этом не говорилось, но подразумевалось. Следует особо отметить: использованная в судебном акте резолюция показывает, что судебный вердикт не зависел от единоличного усмотрения самодержца. Приговор устанавливает наказание в отношении каждого из подсудимых, однако, оставляет без оценки действия Федора Сухотина и Богдана Озерского («тех посадить в Москву в тюрьму до указа» [1, с. 382]). При этом приговор не проясняет, чем продиктована отсрочка принятия решения, и об этом эпизоде дела в дальнейшем умалчивает.

Следующая часть приговора уделяет внимание описанию события преступления, совершенного Михаилом Шеиным, Артемием Измайловым с сыном Василием. Судебный акт дважды указывает на факт самовольного примирения полководца с поляками и передачу им оружейных запасов: «и пушки, и порох, и свинец, и всякие пушечные запасы отдали» [Там же, с. 382]. В нем прямо говорится об измене осужденных «Государю изменили и во всем хотели добра Литовскому Королю» [Там же, с. 382]. Это факт более точно прорисовывается в тексте обвинительного заключения М. Б. Шеина. Выявляя это обстоятельство, приговор ставит его в основу всех последующих выводов судебного органа. Однако совокупное изложение фактов, оставленных без точной правовой оценки, не выявляет отличительных признаков преступного акта: «воровали, за государево дело не радели и не добывали» [Там же, с. 382]. Не ясно, какие именно совместные действия воеводы и его ратных людей явились основанием юридической ответственности.

Последующее за ним обвинение князей Семена Прозоровского и Михайла Белосельского формулируется исходя из признаков соучастия («последовали за Михаилом Шеиным, присягали Литовскому Королю» [Там же, с. 383]) в совершении указанного преступления («воровства и измены»).

Заслуживают внимания мотивы принятия решения о наказании князей. Как явствует из приговора, Боярская дума высказывает мнение о необходимости назначения высшей меры наказания («и за это вы были вы достойны

такой же смертной казни»). Указанная санкция была установлена Боярской думой также в отношении Михаила Шеина и Артемия Измайлова с сыном Василием «за их воровство и измену наказать смертью» [1, с. 383]. Тем не менее, царь приговорил Семена Прозоровского и Михаила Белосельского к ссылке в Сибирь (вопреки мнению Боярской думы). Из приговора следует, что он учел просьбу о помиловании членов своей семьи «по просьбе (упрошению) государыни благоверной царицы и великой княгини Евдокии Лукъяновны и государевых благородных детей» [Там же, с. 383]. Учтены служебные заслуги Семена Прозоровского, в отношении же князя Михайла Белосельского — состояние здоровья.

Необходимо особо отметить упоминание в приговоре о мнении семьи самодержца, повлиявшем на меру наказания. Это обстоятельство в ходе уголовного процесса часто встречается в указанном документе. Например, государь Михаил Федорович «по просьбе (упрошению) государыни... и царевича князя Алексея Михайловича» пересматривает наказание Ивану Шеину («велел вместо смерти дать жизнь») и приговаривает его вместе с матерью и женою к ссылке в низовые селения. Таким образом, члены царской семьи становятся участниками уголовного процесса. Их мнение о мере наказания отражается в приговоре, а потому имеет правовое (процессуальное) значение в исходе дела. Монархический порядок придает данному правовому обстоятельству особое понимание, подчеркивая тем самым абсолютный характер власти государя в осуществлении судебных полномочий по отношению в Боярской думе. Следует заметить, что ее суждениям приговор не придает значения.

Приговаривается к наказанию Иван Шеин по принципу объективного вменения — за действия своего отца. Заметим, что в отношении каждого из обвиняемых приговор указывает на сословную и родовую принадлежность. Данное обстоятельство имело правовое значение, поскольку родовой признак мог выступать в качестве основания юридической ответственности, проявляя тем самым казуальность мышления. Установление фактических обстоятельств дела, подбор правовой нормы и их сопоставление с действиями субъекта ответственности должны сливаться воедино в оценочную деятельность общественно-опасного деяния. Однако этот процесс определялся авторитарными традициями власти.

Последующая часть приговора приводит обвинение Семену Артемьеву. Оно имеет достаточно размытые рамки, событие преступления (объективная сторона) охарактеризовано местом его совершения «на государственной службе под Смоленском». Иные признаки, могущие конкретизировать деяние, не указаны. Пример судебного приговора показывает, что выражение всего многообразия индивидуальных обстоятельств, характеризующих объективную сторону состава преступления в акте преступного поведения, включая и его последствия, не имели правового значения. Оценка деяния зависела от субъективного усмотрения судебного органа, посчитавшего изменой осуждаемые государем действия по установлению самовольного перемирия: «с литовцами встречался и говорил многие слова и одаривал литовцев... *от себя* (курсив наш. — И. А.) посылал Казановскому свой чехол с луком, колчаном и стрелами» [Там же, с. 383].

Далее по тексту следует осуждение Гаврилы Бакина. Оно связано с произнесением непристойных слов «в Можайске на ужине у Григория Юшкова» — это «похвальные речи» о короле, неприемлемые слова в адрес русских людей («называл плюгавыми») и т. д. Пример его наказания показывает, что основанием ответственности является негативная оценка деяния, связанная с нарушением существующих рамок поведения, хотя их формальное значение не

устанавливалось монархическим порядком. Такой же критерий был положен приговором в основу осуждения следующего фигуранта этого политического дела — Любима Ананьина. Попад «под одну гребенку» только за то, что «жил все время на подворье у Михаила и был у него доносчиком», он жестоко наказывается за «смутьянство и ссору». В качестве основания ответственности находят разрозненные неприемлемые действия, заслуживающие осуждающей оценки государя: «будучи под Смоленском торговал всяким товаром..., ссорил Михаила со многими государевыми воинскими людьми» [1, с. 384]. Объективных критериев для их оценки приговор не приводит.

Последним эпизодом приговора перед началом его исполнения зафиксирован факт освобождения от наказания дьяков Александра Дурова и Дмитрия Каропова. Мнение Боярской думы не отражено. Приговор приводит личное мнение Михаила Федоровича «Государь вас простил и его оценочные суждения «были вы у него хуже сторожевых собак..., кому что велел делать, о вы делали подневольно» [Там же, с. 384]. Это решение царя подчеркивает его абсолютную власть.

Системный анализ судебного акта выявляет сущность розыскного (инквизиционного) процесса в этом политическом деле — отсутствие права на защиту. По отношению к судебной власти полководец был поставлен в незащитное положение. Как следует из приговора, Михаил Шеин и Артемий Измайлов не могли возразить на обвинение в измене, оглашенное им после вынесения вердикта на месте казни. Процесс наказания не имел формализованной основы. Условия выбора вида и размера наказания носили субъективный характер, зависели от усмотрения самодержца, предоставляя возможность произвольного определения рамок наказуемости. Все это в совокупности давало праву выражать абсолютную власть государя, характерную для периода укрепления централизованного государства. Данное обстоятельство ярко проявлялось и в конструкции правовых норм Судебника 1550 г., устанавливающего в некоторых случаях неопределенные наказания, например: «Государь укажетъ» (ст. 3, 53, 54), [4, с. 46] или «быть от Царя и великого Князя въ опаль» (ст. 7) [Там же, с. 57]. А это всецело говорит об усилении роли власти и действенном ее осуществлении.

Преступлением считалось «непослушание царской воле», в этом проявлялось его формальное осознание законодателем. Общественно-опасным деянием считалось посягательство на устои монархического порядка. Именно поэтому, на наш взгляд, в качестве правового основания квалификации действий субъектов ответственности находится не норма закона, а указ государя «вам велено было идти на государеву службу из Москвы под Смоленск и заниматься государевым делом, чтобы освободить Смоленск» [1, с. 384].

Выявляя в тексте приговора отдельные пункты, Д. Н. Меньшиков первым выделяет обвинение М. Б. Шеина в оскорблении бояр при отъезде из Москвы [2, с. 177]. Этот эпизод розыскного дела «когда ты служил, многие бояре сидели (прятались) за печью и найти их было невозможно, и укорял всех перед Государем» [1, с. 385], с нашей точки зрения, не имеет обвинительного значения. Приговор ведет речь об особом снисходительном отношении государя к М. Б. Шеину, подчеркивая привилегированное положение воеводы в государственном деле. Не случайно в документе отражается личное мнение царя Михаила Федоровича: «И государь награждая и щадя тебя для государева и земского дела, и не желая обидеть тебя перед дорогою, во всем был согласен с тобой» [Там же].

Д. Н. Меньшиков выявляет в приговоре обвинение в медленном марше к Смоленску, воевода упустил хорошую погоду и на марше измотал войско, а по-

ляки, пользуясь этой задержкой, подготовились к обороне [2, с. 177]. По мнению ученого, задержка в Можайске, затраченная на подготовку к выступлению, вызвана неготовностью армии и погодными условиями (зарядили дожди, дороги размыло и т. д.), что привело к затягиванию осады города, а полякам предоставило время для усиления защиты [Там же, с. 179].

Приговор упоминает: «много раз было писано Государем и отцом его, святейшим патриархом московским и всея Руси Филаретом Никитичем к тебе Михаил, и к Артемию, чтобы не медля отправлялись из Можайска в вязьму и исполняли государево дело» [1, с. 385]. По мнению Д. Н. Меньшикова все решения М. Б. Шеина на период к подготовке к осаде и движению к городу носили обоснованный характер. Он утверждает: «они на тот момент полностью соответствовали букве (но не духу) царского указа» [2, с. 179]. Таким образом, непослушание царской воле выступает основанием юридической ответственности и является правонарушением. Характер общественной опасности преступления определяется в соответствии с учетом объекта посягательства — устоев монархического государства. Следует сказать, что выраженная в приговоре государева воля проявляется собственным паллиативом закона, определяющим понятие «справедливость». Поэтому оценка характера и степени тяжести преступления ставится в зависимость от субъективного мнения верховной власти.

Историографией выявлены достаточно весомые военные промахи главнокомандующего русской армией в Смоленском походе. Д. Н. Меньшиков особо подчеркивает, что «вплоть до апреля фактически оставалась не занятой ключевая позиция — Покровская гора» [Там же, с. 180]. В обвинении конкретизируются ошибки М. Б. Шеина: «вы, Михаил с товарищами, когда пришли под Смоленск, не перекрыли дорогу в город с литовской стороны, откуда следовало ждать приходящих людей» [1, с. 385]. Приговор указывает: «Вы, Михаил с товарищами, над теми проходящими литовцами никакого насилия не учинили». Заметим, документ приводит достаточно адекватную оценку указанных действий «литовцы из-за вашего недосмотра и попустительства побили много сотен». Следует сказать, что обвинение воеводы в халатности на воинской службе было достаточно обоснованным. Кроме того, приговор упоминает об умышленном сокрытии данной информации от государя «Государю о том не докладывали, а про что и писали, то коротко и ложно» [Там же, с. 386].

Приговор приводит обвинение в умышленных действиях воеводы во время осаждения Смоленска «ты, Михаил, со своим смутьянством и изменою велел по государевым людям стрелять из пушек, и убили много служивых». Он усиливается фактами, уличающими М. Б. Шеина в измене государю: «без боя пропускал литовцев через проходы в осажденный город и воинским людям идти в бой и наступление запрещал... и захвата пленных никого из воинов не посылал, желая во всем добра литовскому королю и сохраняя пограничные литовские территории нетронутыми» и т. д. [Там же, с. 386–387].

Историческая наука уделяет достаточно внимания оценке указанных обстоятельств, признавая ошибки воеводы, но все же отрицая его измену.

Следует заметить, оценка состоятельности предъявленного М. Б. Шеину обвинения зависит от совокупности наработанных наукой фактов. Юридическая обоснованность приговора означает, что утверждения суда должны соответствовать обстоятельствам дела и опираться на результаты анализа доказательств. Особо отметим, что приведенная в приговоре фабула обвинения не имеет опоры на доказательства. Как иллюстрирует приговор, специфика розыскного процесса заключалась в выявлении признаков угрозы, либо нарушения устоев монархии. Обстоятельства, отражающие эти признаки, и были

зафиксированы в акте правосудия. Вместе с тем субъект ответственности был лишен возможности возражать против предъявленного ему обвинения, его доводы, обосновывающие позицию защиты, оставались за границей уголовного процесса. Так право выступало способом контроля и управления в реализации монархического порядка.

Царь являлся владельцем Московского государства, поэтому понятия «государь» и «государство» сливались воедино. Непослушание царской воле, ее нарушение считалось изменой — общественно опасным посягательством, предусматривающим установленную ответственность. Самовольная капитуляция главнокомандующего, безусловно, выглядит преступлением, так как М. Б. Шеиным нарушен установленный царем порядок прекращения военных действий «*вам велено было сделать перемирие с поляками и с литовцами, королю со своими людьми отойти в Польшу и Литву, а вам со всеми служивыми воинскими людьми и с пушками отойти в государевы поселения, и в той государевой грамоте особенно подчеркнуто, что государеву казну и пушки с боеприпасами отправить назад с пришедшими воинскими людьми*» (курсив наш. — И. А.) [1, с. 387]. Именно это обстоятельство, по нашему мнению, является ключевым в понимании сущности предъявленного воеводе обвинения в измене государю «*нарушив тот государев указ, забыв присягу Государю, самовольно заключили договор с польским королем и присягнули королю и все пушки с боеприпасами, и порох, и свинец и мелкое ружье, и убитых, раненых и больных людей, и всякое воинское обмундирование отдали литовскому королю*» (курсив наш. — И. А.).

Обвинение усиливается наступившими последствиями самоуправства воеводы «вы отдали литовскому королю 35 поляков и литовцев, которые переходили на государеву сторону, и государевых русских людей, которые были лазутчиками и проникали в литовскую сторону для сбора вестей. И тех всех людей велел разгневанный король предать смерти» [Там же, с. 387]. Но все же и вместе с тем, юридическая квалификация действий военачальника в измене государю не может являться состоятельной. В этом аспекте мы касаемся базового принципа уголовного права «*nullum crimen sine lege*» («нет преступления без указания на него в законе»). Признак противоправности деяния противопоставлен высшей державной власти монарха. Он был непонятен ей, поскольку ограничивал ее осуществление. Документ указывает на основание привлечения к ответственности: «за их воровство и измену». Норму же закона, соответствующую указанной квалификации, не приводит.

Понятие «воровство» в формализованном значении (обозначавшем преступление против интересов государя) появляется несколько позднее, в нормах Соборного Уложения (1649). Судебники XV–XVI вв. не выделяли в особую категорию государственные преступления, в отличие от гл. 2 Собора, состоящей из 22 статей под названием «О государьской чести и как его государское здоровье оберегать». С действиями фигурантов обвинения можно сопоставить положение ст. 3 «А будет кто царьского величества недругу город здаст изменою» [4, с. 71] указанной главы Соборного Уложения (1649). Например, в обвинительной речи, произнесенной перед боярами, приводятся обстоятельства, квалифицирующие преступления, совершенные каждым из обвиняемых. При этом особо подчеркивалось: «находясь (на службе) воровали..., присягали литовскому королю», а преступление совершенно «на государевой службе под Смоленском». Однако на момент провозглашения приговора ответственность за «воровство и измену» не предусматривалась действующим законодательством. Это свидетельствует о произвольных рамках признания деяния противоправным.

«Противоправность» как формальный признак преступления осознается намного позднее. Впервые в истории он закрепляется в нормах Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845). Преступлением начинает считаться «всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав верховной власти и установленных ею властей, или же на права и безопасность общества и частных лиц» (ст. 1 Уложения) [4, с. 222].

Анализ правоприменительной деятельности показывает, что до указанного времени преступным считалось деяние, не запрещенное положением уголовно-правовой нормы, которому дана отрицательная оценка. Казуальный характер нормотворчества искажал понимание элементарного признака права — формальной определенности. Стало быть, приведенная в судебном акте квалификация деяния («воровства и измены») носит условный характер. Таким образом, осознание акта преступного поведения в действиях воеводы основано на субъективном мнении государя и Боярской думы.

Список использованной литературы

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи : в 4 т. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. — Том IV. — 654 с.
2. Меньшиков Д. Н. Смоленская война 1632–1634 гг. и начальный этап реформирования московской армии : дис. ... канд. юрид. наук : 07.00.02 / Д. Н. Меньшиков. — СПб., 2009. — 225 с.
3. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 29 т. / С. М. Соловьев. — М. : Голос, 1995. — Т. 9–10. — 750 с.
4. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век — 1917 год) / сост. В. А. Томсинов. — М. : Зерцало-М, 2003. — 381 с.

References

1. *Akty, sobrannyye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi Imperii* [The acts collected in libraries and archives of the Russian Empire. Saint Petersburg, Printing House of 2nd Department of Her Imperial Majesty's Own Stationery Office, 1836. Vol. 4. 654 p.
2. Menshikov D. N. *Smolenskaya voyna 1632–1634 gg. i nachalnyy etap reformirovaniya moskovskoi armii. Kand. Diss.* [The War of Smolensk of 1632–1634 and the early stage of reforming the Moscow army. Cand. Diss.]. Saint Petersburg, 2009. 225 p.
3. Solovyev S. M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia from all antiquity]. Moscow, Golos Publ., 1995. Vol. 9–10. 750 p.
4. Tomsinov V. A. (ed.) *Khrestomatiya po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava (X vek — 1917 god)* [Russian history reader on home state and law (X century — 1917)]. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2003. 381 p.

Информация об авторе

Артеменко Игорь Анатольевич — аспирант, кафедра теории и истории государства и права, Институт истории и права, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 655017, г. Абакан, ул. К. Маркса, 11, e-mail: ipb-artemenko@mail.ru.

Author

Igor A. Artemenko — PhD student, Chair of Theory and History of State and Law, Institute of History and Law, Khakass State University named after N. F. Katanov, 11 K. Marx St., 655017, Abakan, Russia, e-mail: ipb-artemenko@mail.ru.